

20.07.2010

**Дмитрий Александрович
Хворостовский**

Dmitriy Hvorostovsky

*Дата рождения: 10.10.1962
[Красноярск]*

Я начал сидеть с семнадцати лет

В том, что баритон Дмитрий Александрович Хворостовский является настоящей мировой звездой, может убедиться каждый, побывав на его концерте: ослепительная улыбка, выразительный взгляд и красивейший голос. Особенно заметна величина таланта этого седовласого и при этом относительно молодого певца на фоне российской эстрады, которой наш баритон, давно живущий в Лондоне, не брезгует.

На прошлой неделе Хворостовский выступил в белорусском Витебске на фестивале «Славянский базар», став главным «угощением» в рамках Дня России. А после сольного концерта согласился ответить на вопросы «Собеседника».

– Дмитрий Александрович, ваш отец, насколько я знаю, технарь, но, несмотря на это, именно он серьезно повлиял на ваше будущее...

– Вы знаете, технарем он никогда не был. Он всегда был музыкантом, но его судьба по-настоящему не сложилась – ему не довелось профессионально заниматься музыкой, но он всегда был и остается с музыкой.

– Но у него ведь техническое образование?

– Да, он химик-технолог, инженер.

– Как он реагировал на ваши успехи, в то время как у него самого мечта до конца так и не осуществилась?

– Ну как может отец реагировать на успехи сына? Конечно, с радостью и гордостью. Но в отличие от простых родителей, он прекрасно разбирается в материале и в моем голосе. Я практически повторил его развитие, только пошел несколько дальше. И вы знаете, насколько схожи наши голоса! Во всяком случае, когда я был моложе, люди нас путали по телефону.

– Он сейчас где?

– В России живет.

– Вы родились в Красноярске. Он там? Или все-таки поближе к Европе?

– Он много где бывает, но вообще мои родители живут в Москве.

– А бываете ли вы в тех местах, где родились?

– Да, в декабре был. Меня время от времени может забрасывать ко мне на родину, поэтому я особо не ностальгирую.

В России я опасался за жизнь близких

– *А насколько часто вы вообще бываете в России?*

– Часто, очень часто. Каждый год по несколько раз, как минимум дважды в год я устраиваю большие туры.

– *Вам присуждали в России разные звания, в том числе «Соотечественник года». Это титул, который присуждается людям, в России не живущим, но которых можно считать нашими соотечественниками...*

– Вообще говоря, когда я уехал из России, я думал: ну и что? Место артиста там, где он работает, а географическое место – где лежат его чемоданы, где живет его семья – это, в общем, вторично. И моя мечта в принципе осуществилась и продолжает осуществляться, потому что я всегда хотел работать в России. Для меня концерт здесь стоит большого концерта в «Карнеги-холле» или большого спектакля. Впрочем, об оперных спектаклях пока рано говорить: в опере в России я не пою пока что.

– *Я помню, когда вы выступали на Красной площади в Москве, на ваш концерт приходил Владимир Путин. Вы не ощущаете, что у вас в современной России есть некая миссия? Не только музыкальная. Что вам хотят поручить роль культурного посла России в мире?*

– С тех пор как началась моя мировая карьера, я эту миссию несу и ощущаю. И поверьте, что наш брат (я говорю не только о себе, а еще и о других музыкантах) сделал гораздо больше, чем все политики, вместе взятые.

– *Но позвольте все-таки узнать: если для вас так важны выступления в России, если вы с радостью и успехом несете эту культурно-дипломатическую миссию, зачем же вы перевозили чемоданы в Лондон?*

– Я не хотел уезжать, просто так получилось, такие были обстоятельства: времена были дикие – 90-е годы. И моему окружению надоело ходить с телохранителями, с кобурой под мышкой и так далее. Я опасался за здоровье и жизнь моих близких, поэтому мы и переехали, а так я в принципе до сих пор сожалею об этом.

– *А окружение – это кто? Музыканты или семья?*

– Семья.

– *То есть вам приходилось охранять семью?*

– Да.

– *Вам угрожали?*

– Мне лично нет. Но у нас было большое ограбление, которое не раскрыто до сих пор. Тогда у меня не было ни дома, ни студии, была только квартира, и квартира как раз и была ограблена.

Русский романс легко опошлить

– *На «Славянском базаре» вы исполняли программу русских песен – от «Темной ночи» до «Катюши». Ту программу, которую вы уже давно сформировали. На Западе вы тоже исполняете ее?*

– Я давно ее не исполнял. Русские романсы – одна из моих любимейших программ, тем более что был сделан диск, запись с оркестром, еще прежним камерным оркестром Орбеяна при Московской филармонии. Мы делали

несколько туров по миру. И везде принимают очень хорошо. Самое главное, что мне это нравится. Это и легко, и трудно, так как романс, старинный русский романс очень легко опошлить. Одно движение, одна нечистая интонация, нечистая эмоционально, то есть неискренняя – и тут же становится все вульгарно. Классическое пение, оперное пение и романс – это особое, тонкое искусство. Вспомните Шаляпина. Елена Васильевна Образцова пела по-своему, всегда сильно, всегда необычно, неординарно. Можно было спорить, соглашаться – не соглашаться, но это всегда было очень убедительно. Над Борисом Штоколовым смеялись, тем не менее именно Штоколову принадлежит огромная заслуга в популяризации старинного русского романса, потому что он как раз и сделал из него нечто, поднял на определенную высоту, что ли. То, что делаю я, ближе к классическим канонам.

– А у вас нет ощущения, что сегодня жанр переживает некий кризис, по крайней мере в России?

– Я не чувствую этого. Во всяком случае, не в курсе. Для меня – нет.

– Много говорят о засилье эстрады, засилье попсы. Насколько эта эстрадная составляющая на Западе и в России оказывает негативное влияние на культуру? На массовую культуру.

– База популярной музыки находится в Америке, где классические музыкальные каноны не настолько сильны. Там все размыто, сведено к одному общему котлу, который называется entertainment, то есть индустрия развлечений. Практически не существует разницы между классическим искусством и популярной музыкой.

– Градация идет по шкале «качественно – некачественно»?

– Нет, популярная музыка стоит выше, потому что она более оплачиваема, она более престижна, поэтому классическое искусство занимает не первое место.

– Западные артисты знают, что русские бизнесмены готовы платить немалые деньги за частные концерты, и поэтому даже за обычные концерты часто требуют двойные гонорары. Вас приглашают в Россию на корпоративные концерты?

– Да, приглашают. В основном это большие государственные банки. Такие мероприятия, которые собирают огромные залы – Кремлевский дворец, например. Они скорее корпоративно-государственные, что ли.

– В Лондоне тоже немало русских бизнесменов. И кажется, их там становится все больше...

– В Лондоне от таких русских бизнесменов я приглашений не получал.

Плетнев пострадал, как Майкл Джексон

– Вам приходится много гастролировать по миру, и вы играете с самыми разными оркестрами. Подолгу приходится репетировать каждый раз с новым коллективом? Или, может быть, вообще не приходится?

– Нет-нет, я репетирую. Я как раз из тех людей, которые ответственно относятся к делу. Я делаю с оркестром одну-две репетиции, а до этого высылаю дирижера, чтобы уже основательно поработать с материалом, чтобы оркестр был подготовлен.

– А если планируется новый проект с новым солистом – скажем, с Игорем Крутым или Ларой Фабиан, – насколько масштабной подготовки он требует?

– Наш брат – классические музыканты – репетировать любит и умеет, хотя в принципе может выступать и без репетиций. Допустим, безрепетиционное музицирование господина Гергиева стоит десяти – двадцати репетиций «зрелых» музыкантов. Потому что Гергиев – гений.

– Вы уже второй раз сказали «наш брат», имея в виду классических музыкантов и певцов. Из чего я делаю вывод, что в вашей «отрасли» весьма прочное братство. И в связи с этим не могу вас не спросить о недавней скандальной истории с Михаилом Плетневым в Таиланде. Уверен, ее активно обсуждают и в ваших кругах. Может быть, даже в первую очередь в ваших. Какие же эмоции испытывает «ваш брат»?

– Стыд. Сожаление. В данном случае «наш брат» – не только музыкант, но и наш соотечественник. Я думаю, что это и ваша боль тоже. А что можно об этом сказать? Сожаление и надежда, что этот процесс затеян исключительно для того, чтобы вытянуть деньги из него. Может быть, этим все и ограничится. Эта история из той же серии, что случилась с Майклом Джексонем. Мы все знаем: когда всплывают такие тяжелые судебные процессы, в которых связываются юриспруденция и искусство, – часто это очень циничные, темные дела, и затеваются эти процессы не для того, чтобы восторжествовала правда, а для того, чтобы вытянуть как можно больше денег.

– Значит, все знаменитые люди ходят под несправедливым мечом Фемиды? И вы тоже?

– Уже ходил. У меня был громадный бракоразводный процесс, который возобновлялся дважды, так что я очень хорошо знаю эту систему.

– Но это все-таки бракоразводный...

– Какая разница?

– Он сейчас улажен, в отличие от того ограбления девятидесятых годов?

– Нет.

– И он не улажен?

– Нет, эти дела не улажены. Я знаю цену этим «большим» делам – чем выше по положению человек, чем больше у него денег, тем неприятнее, большее и несправедливее Фемида к нему.

Натурально седые волосы

– Может, тогда чуть-чуть о более приятном? О нынешней семье.

– У меня все прекрасно, все великолепно: дети растут, супруга счастливая, красивая, и с завтрашнего дня у меня начинается отпуск.

– А отпуск где проводите? Ведь, мне кажется, сильно гастролирующий музыкант отпуск хочет проводить дома?

– Ой, нет. Дома ужасно душно, жарко. Сейчас в Лондоне тропическая жара, и там я никому не посоветую быть. Тем более загазованность большая. Мы уезжаем.

– А если не секрет, куда?

– Секрет.

– Детям вы дали русские имена Максим и Нина. Однако ваша супруга Флоранс – итальянка. Она не пыталась внести свою лепту, назвать хотя бы одного из них итальянским именем?

– Это и есть итальянские имена. Нина – интернациональное имя, а Максим – скорее даже французское, чем русское. А первый язык моей жены – французский.

– ***То есть вы компромиссные имена нашли?***

– Да, но тем не менее имя Максим мне всегда нравилось. Нина – тоже всегда нравилось. По-моему, очень женственное, очень такое близкое мне. Во всяком случае, у меня с этим именем много связано.

– ***А вам с Флоранс близка светская жизнь?***

– Мне – нет, ей – да. Так что она вынуждена терпеть мою... как это сказать по-русски, когда человек дичится?

– ***Одиночество? Обособленность?***

– Вы что, не знаете? Человек, который дичится, – как сказать по-русски?

(Разочарованно печалится. – К. Б.)

– ***У меня уже на втором вашем концерте коллеги, друзья спрашивают: а вот Хворостовский – он же молодой, а уже весь седой. Раскроете историю с цветом ваших волос?***

– Почему седые волосы и седые ли они?

– ***Да.***

– Седые, натурально седые. Гены, знаете ли. По маминой линии. Мама у меня стала седой лет в двадцать с чем-то, а я начал седеть чуть ли не с семнадцати лет.

– ***Но вам седина к лицу. И вообще, у вас весьма благородный да и просто очень красивый образ. Вы всегда выходите на сцену красивым. Вы работаете над этим или это естественно получается?***

– Я еще немножко свежий, еще горячий, тепленький после концерта, а вы меня о красоте какой-то спрашиваете. Да плевал я на красоту, честно говоря. Плевал. Если бы я мог, я бы выходил просто в трусах петь, потому что удобнее. Но существуют костюмы, вот я костюмы и надеваю, но это абсолютно вторично.